

Русский
толстый
журнал как
эстетический
феномен

Специальный проект: «Журнальный зал» в «Русском

Последнее обновление: 14.11.2006 / 15:07

[Обратная связь](#)

 [Сомнительная апология](#)

Все проекты ЖЗ:

[Новые поступления](#)

[Афиша](#)

[Авторы](#)

[Обозрения](#)

Поиск

[Детальный поиск](#)

Опубликовано в
журнале:

[«Вопросы
литературы»
2006, №3](#)

[ПУБЛИКАЦИИ И
ВОСПОМИНАНИЯ.
СООБЩЕНИЯ](#)

Как издают шедевры. О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна "Бывшее и несбывшееся". Письма Федора Степуна в издательство им. Чехова

Вступительная статья, публикация и
комментарии В. Кантора

[версия для печати](#) (38823)

[«](#) [»](#) [←](#) [→](#)

Самые лучшие книги писателя или мыслителя часто имеют сложную и странную судьбу. Известно, что Степун вовсе не собирался писать свои знаменитые мемуары. Многие события и идеи, вошедшие впоследствии в этот текст, уже появлялись в его статьях, очерке «Из писем прапорщика-артиллериста», в романе «Николай Переслегин», попутных очерках о пореволюционной России. Как замечал его ученик и биограф Андрей Штаммлер, перефразируя Гете, «книги Степуна — это фрагменты великой “жизненной исповеди”»¹. Повторю, что Степун вовсе не собирался писать длинных мемуаров «о времени и о себе», хотя именно его воспоминания, по мнению весьма многих историков русской культуры, наиболее полно и ярко представили русское начало XX века и перевернувшую этот век революцию. Не собирался, ибо профессорствовал, читал лекции, писал ученые и публицистические статьи. Мемуары же требуют осязаемого временного пространства, когда они основная цель автора. Но в таких случаях говорят: «не было счастья — несчастье помогло».

Поначалу он был изгнан из Советской России в 1922 году личным распоряжением В.И. Ленина. Поводом для иррациональной ярости вождя послужила книга о Шпенглере, написанная четырьмя русскими мыслителями («Освальд Шпенглер и Закат Европы», 1922). Шпенглера же принес российской философской публике Степун. Впрочем, предоставим слово документам. Сначала воспоминания самого Степуна: «Дошли до нас слухи, что в Германии появилась замечательная книга никому раньше неизвестного философа Освальда Шпенглера, предсказывающая близкую гибель европейской культуры <...> Через некоторое время я неожиданно получил из Германии первый том “Заката Европы”. Бердяев предложил мне прочесть о нем доклад на публичном заседании Религиозно-философской академии <...> Прочитанный мной доклад собрал много публики и имел очень большой успех <...> Книга Шпенглера <...> с такою силою завладела умами образованного московского общества, что было решено выпустить специальный сборник посвященных ей статей. В сборнике приняли участие: Бердяев, Франк, Букшпанн и я. По духу сборник получился на редкость цельный. Ценя большую эрудицию

новоявленного немецкого философа, его художественно-проникновенное описание культурных эпох и его пророческую тревогу за Европу, мы все согласно отрицали его биологически-законоверческий подход к историософским вопросам и его вытекающую из этого подхода мысль, будто бы каждая культура, на подобие растительного организма, с неизбежностью переживает свою весну, лето, осень и зиму <...> За две недели разошлось десять тысяч экземпляров»².

Сборник, культуртрегерский по своему пафосу, вызвал неожиданную для авторов реакцию вождя большевиков:

«Н.П. Горбунову. 5. III. 1922 г. С е к р е т н о.

т. Горбунов! О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на “литературное прикрытие белогвардейской организации”³. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет *секретно* (курсив мой. — В.К.), а книгу вернет. *Ленин*»⁴.

И 15 мая, то есть спустя два месяца, в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о «высылке за границу». В результате секретных переговоров между вождем и «опричниками-чекистами» (Степун) был выработан план о высылке российских интеллектуалов на Запад⁵. Так антишпенглеровский сборник совершенно иррациональным образом «вывез» его авторов в Европу из «скифского пожара».

В Германии собралась в результате большая русская диаспора. Вождь мирового пролетариата был уверен, что в буржуазной Европе изгнанникам придется плохо, особенно в Германии, куда и были отправлены высланные. Германия вышла с поражением из Первой мировой войны, экономические дела ее были весьма плохи, и немцам ли заботиться о русских скитальцах. К тому же с Германией большевиков связывали тайные контакты. Ленин только не учел, что изгнанники были особого свойства, это был цвет русской культуры, а за последнее столетие Европа прониклась (после Толстого, Достоевского, Соловьева, Чехова, русского театра, музыки и т.п.) по меньшей мере интересом к русским духовным свершениям. Да и выброшенные в Европу русские попали не в чуждое пространство, а в то, где они не раз бывали и прежде, встретились с людьми, с которыми они общались, дружили, переписывались. Не говоря о Степуне с его германскими корнями и учением в Хайдельбергском университете, даже Бердяев, недолюбливавший Германию, вспоминал первые годы высылки с благодарностью по отношению к немцам: «По приезде в Берлин нас очень любезно встретили немецкие организации и помогли нам на первое время устроиться <...> Я всегда любил Западную Европу, с самого детства часто ездил за границу <...> Присутствие в группе высланных людей науки, профессоров дало возможность основать в Берлине Русский научный институт <...> Немецкое правительство очень интересовалось этим начинанием и очень помогло его осуществлению. Вообще, нужно сказать, что немцы очень носились с высланными, устраивали в нашу честь собрания, обеды, на которых присутствовали министры»⁶. Все уехавшие на Запад свободно владели основными европейскими языками. И оказались в своей среде. Что касается Степуна, то высылка в Германию вернула его в дни юности, в дни обучения немецкой философии у первых философов Германии. Круг его знакомств был много шире, нежели у его сотоварищей по несчастью.

И закономерно, что изгнанный в Германию мыслитель, в годы, когда на России и русской культуре ставили крест, начинает проповедь русской культуры, ее высших достижений, объясняя Западу специфику и особенности России. Он понимал, что как России нельзя без Запада, так и Западу нельзя без России, что только вместе они составляют то сложное и противоречивое целое, которое называется Европой. Степун и его друзья по эмиграции все свои силы направляли на то, чтобы фашизирующаяся Европа вернулась к своим базовым христианским ценностям, иными словами, говоря, быть может, немножко торжественно, но точно, *спасти Европу*. Не случайно одна из эмигрантских писательниц, знавшая Степуна, именно в этом регистре его и воспринимала: «Что заставляло меня верить, что Европа, вопреки всему, что случилось, зиждется на камне?» И ответ поразителен: «Там был Ф.А. Степун. Монолит, магнит, маяк. Атлас, держащий на своих плечах две культуры — русскую и западноевропейскую, посредником между которыми он всю свою жизнь и был. Пока есть такой Атлас, Европа не сгинет, устоит»⁷. Особенно сложно стало положение Степуна, когда к власти пришли зеркальные двойники большевиков — нацисты, во главе с антиевропеистом Гитлером. Степун был по крови немец, а потому под нюрнбергские расовые законы не подпадал. Более того, он был профессором (в Дрездене), а к профессорам немцы — в отличие от российского рабоче-крестьянского люда — традиционно относятся с пиететом.

Любопытно, что его коллегой по Высшей технической школе в Дрездене был знаменитый впоследствии профессор романистики Виктор Клемперер, автор книги «ЛТГ⁸. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога». Клемперер был еврей (правда, женатый на немке, поэтому и не расстрелянный), но в 1935 году он был, разумеется, уволен. Клемперер писал дневники, анализируя языковую ситуацию нацизма. После войны эти дневники («ЛТГ») были им опубликованы с комментариями. Одно из наблюдений привело его к мысли, что «ЛТГ стремится лишить отдельного человека его индивидуальности, оглушить его как личность, превратить его в безмозглую и безвольную единицу стада, которое подхлестывают и гонят в определенном направлении, сделать его частицей катящейся каменной глыбы. ЛТГ — язык массового фанатизма. Там, где он обращается к отдельному человеку, и не только к его воле, но и к его мышлению, там, где он является учением, он учит способам превращения людей в фанатичную подверженную внушению массу»⁹.

Одной из задач для людей культуры и в большевистской России, и в нацистской Германии было — сохранить смысл языка. Сохранить его реальную семантическую наполненность. Делать это можно было преподающему профессору, ни на минуту не снижая планки преподавания, хотя, как писал Клемперер, «сейчас все курсы слабо посещаются: у студентов все время уходит на “спорт для обороны” и еще дюжину подобных мероприятий»¹⁰.

Степуна терпели еще два года.

И все же надолго терпения нацистов не хватило. И в «Современных записках», и в «Новом граде» он писал свои русские, злые и аналитические статьи о гитлеровской Германии, но нечто подобное он говорил и в своих лекциях немецким студентам. Конечно же, он дождался доноса. Как и большевики, нацисты терпели его ровно четыре года своего режима, пока не увидели, что перековки в сознании профессора Степуна не происходит. В доносе 1937 года говорилось, что он должен бы был

переменить свои взгляды «на основании параграфов 4-го или 6-го известного закона 1933 года о переориентации профессионального чиновничества. Эта переориентация не была им исполнена, хотя прежде всего должно было ожидать, что, как профессор, Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит правильно свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал-социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи как и к значению расового вопроса, точно также и по отношению к еврейскому вопросу в частности важного для критики большевизма»¹¹.

Более того, именно «русскость» Степуна ставилась ему отныне в вину: «Степун, несмотря на свое немецкое происхождение не может рассматриваться как “зарубежный немец” (Auslandsdeutscher), его близость с русскостью (Russentum) много теснее, нежели с немецкостью (Deutschentum). Он сам определяет себя как немецкого русского, но, во всяком случае, нигде не исповедует своей немецкости. Его близость к русскости выясняется и из того, что он русифицировал свое исходно немецкое имя Фридрих Степпун (Steppuhn), получил русское гражданство и в исполнение соответствующих гражданских обязанностей сражался в русском войске против Германии, а также женился на русской. Также будучи немецким чиновником чувствовал он и далее свою связь с русскостью и в дрезденской русской эмигрантской колонии играл выдающуюся роль прежде всего как председатель общества Владимира Соловьева»¹².

Степун был уволен с мизерным выходным пособием и крошечным пенсионом. С 1937 года он вел сравнительно свободную жизнь, пытаясь, правда, постоянно подрабатывать лекциями. Но это, в силу его опального положения, удавалось ему не часто. На постоянный приработок рассчитывать не приходилось. Получалось, что самое время — подвести итоги прожитой жизни, уйдя из повседневной суеты. Когда-то отставленный от политики Николо Макиавелли написал в уединении два своих великих политико-философских трактата, а переставший быть лордом-канцлером Френсис Бэкон за последние годы жизни создал свою философскую систему, положившую начало новой европейской философии. Можно привести и другие примеры. Чего стоит изгнание Пушкина в деревню, где он, несмотря на страхи друзей, что поэт «запыет горькую» (Вяземский), возмужал и окреп духовно и поэтически! А для писания мемуаров важно не только время, но и пространство, которое часто в судьбе человека играет роль времени. Отрезанный от России Герцен в общем-то совсем не старым человеком начал писать свои удивительные воспоминания. У Степуна сошлось все: время, пространство, жизненная ситуация¹³. В мае 1938 года Степун писал своим друзьям в Швейцарию из Дрездена: «Мы живем хорошо и внутренне сосредоточенною жизнью. Приезжавший к нам отец Иоанн Шаховской упорно подсказывал мне мысль, что это Бог послал мне времена тишины и молчания, дабы обременить меня долгом высказать то, что мне высказать надлежит, и не разбрасываться по всем направлениям в лекциях и статьях. Часто мне хочется думать, что он прав и что мне действительно надо сейчас как можно больше работать в ожидании нового периода жизни. Я затеял большую и очень сложную работу литературного порядка и очень счастлив, что живу сейчас в своем прошлом и скорее в искусстве, чем в науке»¹⁴. Книга получалась и впрямь необычной, возможно, он рассказал то, что пишет о.

Иоанну, который вполне мог оценить замысел.

Надо сказать, что о. Иоанн Шаховской (в будущем архиепископ Иоанн Сан-Францисский) был в этот момент настоятелем берлинского православного Свято-Владимирского храма, а также благочинным всех приходов в Германии. К этому стоит добавить, что, один из последних учеников Лицея, он был сам поэт, в начале 20-х издатель журнала, весьма глубокий богослов, незаурядный публицист и настоящий пастырь. Он сделал то, что только и мог сделать: поддержал духовную работу творческого человека.

И уже в октябре того же года Степун в письме тем же своим друзьям четко очерчивает свой замысел и невольно проводит явственную параллель с другими великими русскими мемуарами XIX века: «У нас стоит осень, — не такая прекрасная и прозрачная, как тогда в Селиньи, но все же “живописно краснеет, желтеет и облетает листва кленов, осин и каштанов”. Для меня осень всегда наиболее творческая пора. Эту же осень я как-то особенно радостно ежедневно сижу за письменным столом своей комнаты. Работаю над первой частью моей книги, которая представляет собою попытку в форме своеобразной автобиографии нарисовать образ нашей с Вами, Мария Михайловна, России. За первой частью воспоминаний должна последовать вторая часть раздумий и третья — чаяний. Думаю, лет на 5—6 мне работы хватит»¹⁵. Как видим, в этих словах очевидная параллель — по замыслу — гигантской мемуарной эпопее Герцена «Былое и думы». У Степуна — *воспоминания, раздумья, чаяния*. Не говорю уж о явном намеке на пушкинскую осень: «Для меня осень всегда наиболее творческая пора».

«Былое и думы» Герцен писал примерно десять лет, «целые годы», по его словам. Но самое интересное, на что стоит обратит внимание в этом сопоставлении, это, во-первых, неоднократное обращение мемуаристов в предыдущей своей деятельности к *исповедально-автобиографической теме*. Это ранние повести Герцена, это «Из писем прапорщика-артиллериста» и философско-автобиографический роман «Николай Переслегин» у Степуна. Во-вторых, оба были и мыслители, философы, и одновременно незаурядные писатели. Причем именно в мемуарной прозе это слияние обоих свойств их таланта дало наиболее яркий результат. В-третьих, их мемуары писались в эмиграции, чтобы напомнить и рассказать миру не только о себе, но о судьбе России. Это слияние двух тем — личной и общественной — поразительно. И, наконец, не забудем немецкое происхождение обоих, их воспитание на немецкой философии, перешедшее в страстную любовь ко всему русскому. Серьезное отличие было, пожалуй, в том, что Степун не писал об эмигрантской жизни. Считают (Кристиан Хуфен¹⁶), что Степуна останавливал страх за родственников, оставшихся в Советской России. Но, видимо, дело было в другом. Он так много и резко писал о большевиках и советской власти, что рассказ об эмиграции ничего не прибавил бы к его репутации в глазах ЧК. Можно только предполагать. Но, думается, он пытался понять *причины*, перевернувшие XX век, когда, как ему казалось, произошла победа «идеократии» над «интересократией». А причины эти коренились как раз в описываемой им эпохе.

Герцен скромно писал в предисловии к своим мемуарам: «Жизнь обыкновенного человека тоже может вызвать интерес, если и не по отношению к личности, то по отношению к стране и эпохе, в которую эта личность жила»¹⁷. Но не забудем, что под пером обоих авторов их личные связи силой ли таланта, силой ли реального

положения вещей оказывались в центре духовных исканий русской мысли, искусства и общества. О Герцене подобное написано не раз. Стоит сослаться на самопонимание сделанного Степуном. В письме вдове Семена Франка Татьяне Сергеевне Франк (15 августа 1952 года) он попытался выразить смысл им написанного: «В моих воспоминаниях, которые пытаются объяснить нашу революцию, неизбежен некоторый мрак. Ведь я описываю не все, что довелось пережить и продумать, а главным образом то, из чего родилась революция. Если хотите, мои воспоминания можно, пользуясь термином Зиммеля, определить, как “молекулярную социологию большевизма”. Но есть, конечно, и другое, что нас, может быть, разделяет. В Москве, во время отпуска с фронта, я видел всех тех людей, которых Вы перечисляете, присутствовал на заседаниях и прениях религиозно-философского общества, слушал доклады Сергея Николаевича Булгакова и Ильина, был и в Петербурге, был близок с Г.А. Ландау. И все же мне было грустно, я ярко чувствовал бессилие всех этих людей, близких мне по духу и миросозерцанию. А чувствовал я это бессилие потому, что я гостил в Москве и в Петербурге в качестве офицера в отпуску. Присутствуя на докладе Булгакова и разговаривая о войне с Евгением Трубецким, я все время видел перед глазами бессилие России на фронте, все растущее разложение и чувствовал, что все кончено. С этими же чувствами я работал впоследствии в Петербурге, в качестве начальника политического управления Военного министерства. Эти же чувства продиктовали мне и мою политическую программу, с которой, однако, все были не согласны: сепаратный мир с немцами, быстрый, хотя бы в правовом отношении и не корректный созыв Учредительного Собрания и немедленный арест Центрального комитета большевиков. Но Милюков, Гучков, Львов, да и Керенский еще верили в возможность победы права над Россией и России над немцами. Все это была сплошная иллюзия, основанная на том, что люди недооценивали реального положения вещей. Мне кажется, что правда моей картины в том, что она объясняет происшедшее»¹⁸. Именно это было и задачей Герцена: объяснить прошедшее, в том числе и личные свои поступки: «семейную драму».

Сходства много. Степун тоже рассказывает о трагических любовных историях своей жизни. Хотя, как и Герцен, живет в двух мирах — сугубо личных проблем и бурной интеллектуально-общественной жизни, причем связь этих миров удивительно органична. Все окрашено личной страстью. Повторяю, сходства много. Да и на работу над воспоминаниями ушло у Степуна тоже около десяти лет. Чем очевиднее возникал текст его книги, тем яснее он начинал понимать, что создал нечто, явно превосходящее все его предыдущие¹⁹ (а мы можем сказать, что и будущие) сочинения. Судя по всему, поначалу писался русский вариант, отрывки из русской рукописи он печатал в разных русских журналах сразу после окончания войны. Но, видимо, понимая, что главным его читателем остается немецкая публика, он параллельно создавал немецкий вариант. Сам он, правда, как можно увидеть и в публикуемых письмах, уверял, что перевод сделан другими людьми, а потому он и хочет увидеть свой оригинальный текст. Но, не говоря о том, что немецкий язык у Степуна был абсолютный (Федотов даже называл его классическим), в одном из писем к В.В. Вейдле (25 июля 1949 года) он вполне правдиво объясняет причину первоначальной немецкой публикации: «Написанные мною по-русски Воспоминания я должен был выпустить в немецком переводе²⁰, хотя бы уже потому, что мне решительно нечем было жить. Лишенный по политическим соображениям кафедры уже в 37 году, я после переезда из Дрездена в Баварию перестал получать и ту жалкую пенсию, которую мне выплачивали, пока я

жил в Саксонии. Немедленный аванс под Воспоминания был для меня единственным выходом»²¹.

Но одно дело написать — другое напечатать. И здесь разительное отличие от Герцена, имевшего и деньги, и «типографский станок» для «тиснения» своих строк. Ничего подобного философ, литератор и эмигрант XX века не имел. Десять лет Степун писал и примерно десять лет пытался опубликовать свои мемуары. Впадая в отчаяние, обнадеживаясь и снова угасая, прося помочь близких друзей, единомышленников или казавшихся таковыми, уговаривая издателей, взывая к интересу по поводу России у русских читателей, объясняя, что он и вправду нечто видел, более того, понимал так, как другие это виденное не понимали, убеждал, что он выступает не только как мемуарист, но одновременно как художник и мыслитель. Ничего не получалось. Сегодня мы можем говорить, что, мол, лучшие русские мемуары, потрясающий язык, точные наблюдения, удивительно глубокое понимание русской истории, причем живой, недавней русской истории!.. А тогда он не подходил под формальные признаки: скажем, ИМКА не желала иметь с текстом Степуна никакого дела, поскольку текст был вначале опубликован по-немецки.

Он писал в большой тревоге к Вейдле: «Недавно были у нас парижане: Зеньковский, Шмеман, Зандер и Морозов. Лев Александрович беспокоил меня сообщением, что ИМКА в принципе издает лишь книги, еще не напечатанные на каком-нибудь другом языке»²². Далее, как я уже цитировал, он пытался объяснить вынужденность публикации мемуаров по-немецки.

ИМКА отказала ему, довольно долго продержав у себя рукопись. Издательская «политика» всегда фантастична. То, что потом стало шедевром русской мемуаристики, было отвергнуто тем самым издательством, которое по логике вещей должно было поддерживать все лучшее, что было в русской эмиграции. Оно и поддерживало. Но в случае с мемуарами Степуна произошла осечка. Мне не очень ясны подводные течения, помешавшие этой публикации, и «верные друзья», способствовавшие этой неудаче, но очевидно, что они были. Слишком известно было имя Степуна в эмиграции, чтобы так им манкировать.

По счастью, русская диаспора получила прописку и за океаном, а потому там тоже возникло издательство (речь об издательстве им. Чехова), на которое возложил свои надежды шестидесятидевятилетний автор. Сроки жизни поджимали. И он, естественно, хотел увидеть свое лучшее творение опубликованным. Он вступает в переписку с американским русским издательством. И тут ему улыбается удача: практически первое письмо попадает главному редактору Вере Александровой, бывшей не то что поклонницей его творчества, но во всяком случае относившейся к нему с симпатией, о чем она сама в ответном письме и сообщает Степуну.

Любопытно и немного грустно читать и видеть, как он преисполняется надежды и хочет перейти с ней на дружеский тон. Однако везде существует субординация, и Вера Александрова хорошо ее понимает, обрезая дружеские интонации автора. И Степун сдерживает себя, свою уже старческую надежду, что все решится, наконец, быстро и безболезненно. Начинается трехлетняя эпистолярная борьба за пробивание своих мемуаров в печать. Он то льстит, то вдруг теряет голову, то бывает оскорблен, а его надежды довольно грубо пресекаются (когда на просьбу заполнить анкету, он возликовал, что пришло положительное решение о печатании

мемуаров, но получил отповедь). Не цитирую, поскольку читатель сам прочтет эти грустные и трогательные перипетии издания мемуаров. Любой литературный человек, имевший в своей жизни дело с издательствами и редакциями, прочтет эту переписку, как будто она относится к нему. Потом уже на фоне положительного решения узнает он, что издательство должно скоро закрыться. И тут Вера Александрова проявила свое хорошее отношение к Степуну, добившись, чтоб его книга все же попала в план. Но и на этом дело не кончилось. Степун, так мечтавший увидеть свою книгу о России на русском языке, вынужден был сокращать русский вариант своих «Воспоминаний». В результате мы имеем немецкий трехтомник, но по-русски — только два тома, то есть со значительными потерями²³. Обнаружить исходный русский вариант мне не посчастливилось. Хотя он где-то должен быть — в Париже или в Нью-Йорке, а, может, и в Мюнхене.

И вот в свои семьдесят два года он берет в руки книгу, которую по праву считал своим лучшим сочинением. Строго говоря, вся его жизнь и все его писания были подготовкой (а потом продолжением или, скорее, попутными сочинениями) к этой книге. Поэтому история ее публикации, на мой взгляд, имеет свой интерес для людей, занимающихся отечественной культурой. А также и для наблюдателя человеческого сердца, его страстей и стилистики литературной жизни (в ее, надо сказать, совсем не плохом варианте).

¹ *Штаммлер Андрей В.* Ф.А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сборник статей под редакцией Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 330.

² *Степун Федор.* Бывшее и несбывшееся. Т. II. London, 1990. С. 275—279.

³ Замечательно, что сами авторы в предисловии отмечали, что «сборник <...> не объединен общностью мирозерцания его участников» (Освальд Шпенглер и Закат Европы. М.: Берег, 1922. С. 3).

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. М.: Политиздат, 1965. С. 198.

⁵ Подробнее о механизме и идейных обоснованиях этой акции см.: *Коган Л.А.* «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 9.

⁶ *Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: Книга, 1991. С.246, 248. Курсив мой. — *В.К.*

⁷ *Жиглевич Евгения.* На путях эмигрантских. Безмолвные встречи со Степуном // *Степун Федор.* Встречи и размышления. Overseas Publications Interchange Ltd. London, 1992. С. 30—31.

⁸ LTI — Lingua Tertii Imperii — ЯзыкТретьейимперии (В. Клемперер).

⁹ *Клемперер Виктор.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 52.

¹¹ *Treiber Huber*. Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903—1955). Über Freundschaft- und Spdtdurgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850—1950. Opladen, Wesdeutscher Verlag GmbH, 1995. S. 98.

¹² Ibidem. S. 97—98.

¹³ Стоит, быть может, отметить то обстоятельство, что его обращение к истории было безусловным желанием противостоять откровенному антиисторизму тоталитарных режимов. Причем антиисторизму, который считал каждый свой шаг — историческим. Его коллега по дрезденскому институту Виктор Клемперер очень рельефно выписал эту особенность нацизма: «Нацизм <...> настолько был убежден в долговечности своих учреждений <...> что любая мелочь, с ним связанная, любой пустяк, его касавшийся, приобретали историческое значение. Всякая речь фюрера, пусть даже он в сотый раз повторяет одно и то же, — это историческая речь, любая встреча фюрера с дуче, пусть даже она ничего не меняет в текущей ситуации, — это историческая встреча <...> Любой праздник урожая — исторический, как и любой партийный съезд, любой праздник любого сорта; а поскольку в Третьей империи существуют только праздники <...> то Третья империя все свои дни считала историческими» (*Клемперер Виктор*. Указ. соч. С. 63). Для отечественного читателя нет нужды напоминать об историческом значении каждого очередного партсъезда в нашей стране.

¹⁴ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

¹⁵ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

¹⁶ См.: *Hufen Christian*. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884—1945. Berlin: Lukas Verlag, 2001.

¹⁷ *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 тт. Т. 8. М.: АН СССР, 1956. С. 405.

¹⁸ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Frank. Box 2. Stepun, Fedor Avgustovich. To Semen Ljudvigovich Frank. a.l.s. 2p.

¹⁹ В письме Бунину от 16 марта 1951 года он писал: «Я работал над своими “Воспоминаниями” целых десять лет <...> Я хотел дать образ России и ее судьбы, понять истоки и срывы революции, нарисовать целую галерею русских ученых, писателей, актеров, политиков и, наконец, дать полную волю себе как беллетристу <...> Я свои “Воспоминания” очень люблю, что, быть может, и простительно, и думаю, что они написаны более совершенно, чем все предыдущее» (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину // *С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом*. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 126).

²⁰ Vergangenes und Unvergdnliche. Drei Bdnde. Im Kцsel-Verlag zu Mьnchen 1947—1950.

²¹ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Weidle. Box 3. Stepun, Fedor Avgustovich. To Weidle, Wladimir.

²² Ibidem.

²³ Не могу не отметить, что даже специалисты считают прямо наоборот. Так публикатор Степуна и автор статей о нем А.А. Ермичев в своем послесловии к книге Степуна «Портреты» пишет, что мемуары философа, «уже дополненные <...> выйдут в Издательстве им. Чехова под названием “Бывшее и несбывшееся”» (*Ермичев А.А. Ф.А. Степун. Очерк жизни // Степун Ф.А. Портреты. СПб.: РХГИ, 1999. С. 406*). Как показывает данная публикация, русский вариант воспоминаний вышел сокращенный по сравнению с немецким более чем на 100 страниц.

* * *

Конъектуры в квадратных скобках принадлежат публикатору, все явные орфографические и синтаксические ошибки, не несущие на себе манеры автора, исправляются без особых о том упоминаний. Все переводы с немецкого фраз и слов, встречающихся в письмах, принадлежат публикатору.

Подпись Степуна всегда рукописна.

Публикация сделана по рукописи писем, хранящихся в Рукописном отделе Бахметьевского архива библиотеки Колумбийского университета, Нью-Йорк, США. Хотелось бы поблагодарить Программу Фулбрайт, Бахметьевский архив, его руководителя Ричарда Вортмана и моего куратора, хранителя Бахметьевского архива Татьяну Чеботареву за предоставленную возможность несколько месяцев работать в Нью-Йорке с письмами и бумагами русских пореволюционных мыслителей-эмигрантов.

Письма Федора Степуна

в издательство им. Чехова

München 13 Ainmillerstr. 30,

Prof. F.Stepun

Многоуважаемый Николай Романович¹,

Не знаю, попадались ли Вам на глаза три тома моих воспоминаний, выпущенных в Мюнхене под заглавием «Vergangenes & Unvergngliches»². Но, может быть, Вы все же читали отрывки, напечатанные в «Возрождении» и в «Новом журнале». Немецкий перевод, сделанный под моим наблюдением, но не мною, хотя и хорош, но все же оригинал лучше. А, кроме того, мне естественно хотелось бы увидеть свою книгу, напечатанную на русском языке и в руках у русских людей. Кроме как в Чеховском Издании мне выпустить свои воспоминания негде. Я раньше не обращался к Вам, потому что знал от своей сестры³, которая работает в УНО⁴, что Вы формально связаны обязательством не выпускать книг, размером превышающим 450 стр. Но вот я вижу в каталоге, что вышел Прокопович, в котором 760 стр. Этим формальное обязательство как будто бы снято, что дает мне надежду появления в Чеховском Издательстве и моих воспоминаний, в которых будет, вероятно, около 900 стр. размера Ваших книг.

В Германии книга имеет очень большой успех. Первый том вышел уже вторым изданием. Критическая литература о моих воспоминаниях очень большая и не только немецкая⁵. Если хотите, я могу Вам выслать часть наиболее существенных рецензий. Я думаю, говоря откровенно, что моя книга и на самом деле заслуживает того, чтобы появиться на русском языке. Я писал ее целых десять лет, писал тщательно и с вдохновением. У Михаила Михайловича Карповича⁶ имеется немецкий перевод всех трех томов. Если бы Вы захотели, Вы могли бы в несколько часов ознакомиться с содержанием. Не знаю, возможно ли это, но если бы 900 страниц все же Вам показались неудобопечатаемыми, то можно бы сделать две книги, назвав первый том «Затонувшая Россия», а второй «Две революции» (подзаголовок «Февраль» и «Октябрь»)⁷. Положа руку на сердце, я все же думаю, что если бы издательство в Вашем лице и в лице Веры Александровны захотело бы напечатать книгу, то это должно было бы удалиться⁸.

Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Примите уверения в искреннем уважении и сердечный привет

Искренне Ваш Ф. Степун

Stepun Fedor Avgustovich. Columbia University Liraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Chekhov Publishing House. Box 3.

¹ *Вреден Николай Романович* — директор изд-ва им. Чехова. Издательство им. Чехова существовало в Нью-Йорке с 1952 по 1956 год. Примерную программу изд-ва составил М.А. Алданов.

² «Прошедшее и непроходящее» (немецкое название мемуаров Степуна) (Bd. 1—3. München, 1947—1950).

³ *Степун Маргарита (Марга) Августовна* (1903, Москва — 1972, Мюнхен) — сестра Ф.А. Степуна, оперная и эстрадная певица.

⁴ Речь, вероятно, идет о русском отделе ООН, где работала М.А. Степун.

⁵ Известны рецензии на русском языке М.В. Вишняка (Новый журнал. 1949. № 22. С. 299—304), Н.П. Полторацкого (Возрождение. 1951. № 16. С. 171—174).

⁶ *Михаил Михайлович Карпович* (1887—1959) — главный редактор нью-йоркского «Нового журнала», профессор Гарвардского университета, историк. Сохранилась переписка Степуна с Карповичем.

⁷ Оба эти подзаголовка сохранились во втором томе мемуаров.

⁸ Так у Степуна.

2

3.III.53

München 13 Ainmillerstr. 30,

Prof. F.Stepun

Многоуважаемая Вера Александровна¹,

Обращаюсь к Вам с запросом, заключающим в себе и большую просьбу. Кроме как в Чеховском Издании я своих воспоминаний (немецкое заглавие «Прошлое и непроходящее») — нигде выпустить не могу, а выпустить я их хочу и даже очень. Думаю я также, что выпустить их стоит и даже должно, ибо в них рассказана и рассказана, как мне кажется, неплохо большая и сложная жизнь. Вы писали о моих воспоминаниях в Новом Русском Слове и, надеюсь, читали напечатанные отрывки как в «Новом Журнале»², так и в «Возрождении»³. Мне это кажется важным, потому что даже и хороший перевод все-таки не передает оригинала.

В свое время я просил мою сестру осведомиться о том, есть ли шансы выпустить мою книгу у Вас. Она ответила, что Вы формально связаны обязательством не печатать книг, превышающих размер 450 страниц. Но вот я читаю в Вашем каталоге, что выходит Алданов⁴, в котором 684 страницы и Прокопович⁵ в 760 страниц. Это дает мне надежду, что Вы выпустите и меня.

Я знаю от Бориса Ивановича Николаевского⁶, что Вы были больны, но что Вы уже поправились и что с моей стороны будет правильно написать письмо прямо Вам. Одновременно я пишу и г-ну Вреден, а также и Карповичу.

Должен сказать, что я еще до основания Чеховского Издательства предложил свои воспоминания Имке⁷, которая держит их, не давая никакого ответа. Я слышу, что там какая-то организационная заминка и еще не известно, будут ли они продолжать издательство, а, кроме того, моя все же беллетристическая вещь им не ко двору.

Надеюсь получить от Вас положительный ответ.

Примите уверения искреннего уважения.

С приветом Федор Степун

10 марта 1953 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Спасибо за письмо от 3 марта. Я уже имела возможность поговорить о Ваших Воспоминаниях в Издательстве. В принципе Ваши Воспоминания нас интересуют, и мне предложено, так как я читала все три тома по-немецки, написать краткий отчет о них, но вопрос о включении в план наших изданий — ввиду того, что мы перевыполнили план на 1953 г. — будет решаться только в конце мая, и только тогда я надеюсь, что смогу Вам написать о принятом решении.

Сегодня я говорила с Вашей сестрой по телефону, и она, со своей стороны, напишет Вам. Я рассказала ей, между прочим, что считаю себя Вашей давней знакомой, так как читаю Вас уже больше четверти века (начиная с первых глав «Николая Переслегина»⁸). Этот роман меня даже вдохновил написать одну из моих первых статей. Эту рукопись я, конечно, потеряла в странствиях, но заглавие помню: «От Накануне до Вчера».

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Вера Александрова)

П.С. Дорогой Федор Августович, прошу настоящее письмо в его первой части рассматривать также, как ответ на Ваше письмо, адресованное Чеховскому

Издательству на имя отсутствующего Н.Р. Вредена.

¹ *Александрова (Шварц) Вера Александровна*, урожденная Мордвинова (1895—1966), род. в Ковно, умерла в Нью-Йорке; критик, литературный публицист, социолог, работала в течение нескольких лет в группе Маргарет Мид, с 1951 по 1956 год — главный редактор издательства им. Чехова. Автор книги: *A History of Soviet Literature, 1917—1962*, Doubleday & Co. 1963. Посмертно издана ее книга «Литература и жизнь. Очерки советского общественного развития. До конца Второй мировой войны. Избранное». Составил С. Шварц. Sponsored by the Russian Institute of Columbia University. New York, 1969. По своим убеждениям В.А. Александрова была социал-демократом меньшевистского толка, а потому боролась с режимом, по словам писавших о ней, не как эмигрант, а как внутренний оппозиционер. Она была сторонницей, по ее же собственным словам, «революционной сущности демократического социализма», поэтому отделяла «режим диктатуры» от «страны социализма» (Там же. С. 220.)

² Москва и Петербург накануне войны 1914 года // *Новый Журнал*. Нью-Йорк, 1951. Кн. 27. С. 169—201; В русской провинции // *Новый Журнал*. Нью-Йорк, 1954. Кн. 37. С. 165—182.

³ В «Возрождении» главы из воспоминаний Степун печатал в 1950—1954 годах (№ 9, 21, 25, 31).

⁴ *Алданов (Ландау) Марк Александрович* (1886—1957) — писатель и философ. Очевидно, речь идет о его книге «Ульмская ночь. Философия случая». Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1953.

⁵ *Прокопович Сергей Николаевич* (1871—1955) — экономист, член ЦК партии кадетов, министр Временного правительства, выслан из Советской России. Скорее всего, речь идет о его книге «Народное хозяйство СССР». Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1952.

⁶ *Николаевский Борис Иванович* (1887, Белебей Уфимской губ. — 1966, Нью-Йорк) — историк, архивист, эмигрант. В молодости — большевик, к 1917 году — меньшевик. В 1922 году выслан за границу. Владелец одного из самых больших архивов по революционному движению в России. Его коллекция хранится в Гуверовском институте при Стэнфордском университете. Американские историки-русисты считали его своим наставником.

⁷ Имеется в виду парижское издательство YMCA-PRESS.

⁸ Роман Ф.А. Степуна печатался в «Современных записках», Париж, 1929.

19.3.53

Дорогая Вера Александровна,

разрешаю себе это обращение, т.к. в П.С. Вашего письма Вы так же обратились ко мне. Большое спасибо за Ваше письмо. Очень надеюсь, что Вам удастся «провести» на редакционном заседании мои воспоминания. Если бы это было Вам нужно, я мог бы выслать Вам и русский оригинал. Перевод сделан очень тщательно, но говорящие по-немецки сибиряки вещь для русского уха весьма неестественна.

Виктор Шкловский сказал бы, что это прием «остранения»¹.

Я не знаю, могли бы в Вашем решении сыграть некоторую роль иностранные рецензии. Если бы могли, то я мог бы прислать Вам их в большом количестве. О книге писалось очень много и очень положительно.

Через неделю мы уезжаем в Париж, где пробудем до 14-го апреля. В Париже находится у Бунина первый том моих воспоминаний², который я мог бы переслать Вам. Моего адреса я еще не знаю, но если бы Вы написали по адресу редакции «Возрождения», то письмо мне было бы передано.

Шлю сердечный привет.

Искренне Ваш

Федор Степун

31 марта 1953 г.

Дорогой Федор Августович,

спасибо за письмо от 19 марта. Могу только подтвердить то, что я писала Вам в первом письме. Вашими воспоминаниями Издательство очень интересуется и поэтому советовала бы Вам, не дожидаясь официального сообщения, прислать нам имеющийся у Вас русский оригинал первого тома.

С сердечным приветом

Editor in-Chief (Вера Александрова)

¹ О Шкловском Степун писал неоднократно. См., например: *Виктор Шкловский. Сентиментальное путешествие*. «Геликон». 1923 г. // *Современные записки*. 1923.

Кн. 16. С. 411—414. Идею «остранения», которое означало «вывод вещи из автоматизма восприятия», Шкловский впервые сформулировал в 1916 году на материале толстовского творчества: «Прием остранения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее как в первый раз виденную, а случай — как в первый раз происшедший» (*Шкловский Виктор*. Искусство как прием // *Шкловский Виктор*. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990. С. 64).

² В письме Бунину от 2 ноября 1951 года Степун писал: «Спасибо вам большое за то, что и боля вы все же прочли первый том моих воспоминаний» (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину. С. 132).

4

18 мая 1953 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Просим заполнить и прислать нам прилагаемую при сем краткую биографическую анкету, цель которой изложена в начале ее.

С искренним приветом

Секретарь

БИОГРАФИЧЕСКАЯ АНКЕТА

Мы начинаем работу над внесением в каталог Вашей книги и просим Вас помочь нам в этом. Ответы на нижеследующие вопросы будут очень ценными не только для каталога, но также для публикации и рекламы. Мы находим, что эта краткая биографическая информация очень поможет книжной торговле и будет особенно ценной для библиотечарей, которых постоянно запрашивают о таких деталях.

Дата 27 мая 1953 г.

Имя и фамилия

Федор Августович Степун¹

Ваш литературный псевдоним, если он у Вас есть

дважды печатался под псевдонимом Луганов

Адрес

Ainmillerstr. 30, Mьnchen 13

Место рождения

Москва

Дата рождения (необходима только как информация для обеспечения авторского права)

19 февраля (по нов. стилю) 1884

Образование

Аттестат зрелости в реальном училище Москвы, Др. философии Гейдельбергского Университета

Гражданином какой страны Вы являетесь

с 26-го года — немецкий подданный

Если Вы женаты, укажите имя жены

Наталья Никольская

Есть ли у Вас дети?

нет

Были ли кто-либо из Ваших предков знамениты и чем?

Астроном Фридрих Аргеландер (1799–1875), прадед по матери

Возможно, что мы включим эти краткие биографические данные в предисловие к Вашей книге. В случае, если Вы пожелаете пополнить вышеприведенные сведения, пожалуйста, сообщите таковые в этой рубрике².

27.5.53

Многоуважаемый г-н Ланге,

конечно, в Америке свои законы и своя психология, но все же мне кажется, что из анкетных данных никакой интересной для книжной торговли заметки не сочинишь. Потому добавляю: по окончании среднего учебного заведения в Москве, учился семь лет в Гейдельбергском университете. В 1914 г. пошел на войну. В дни февральской революции занимал пост Начальника политического управления Военного Министерства Временного правительства. В дни Октябрьского переворота был арестован большевиками. В 1922 г. выслан из России. В 1926 г. был избран профессором дрезденского Политехникума по кафедре социологии. В 1937 г. уволен Гитлером в отставку за политическую неблагонадежность³. С 1947 г. состою профессором по кафедре Русской Культуры в Мюнхенском университете.

С искренним приветом

Федор Степун

¹ Ответы Степуна выделяю курсивом. — В.К.

² Далее следуют незаполненные Степуном четыре ряда точек.

³ Документ об увольнении был вручен Степуну 21.6.1937.

5

28 мая 1953 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

По просьбе И.А. Бунина посылаем Вам его книги «Весной, в Иудее» и «Митина любовь» для отзыва и просим Вас, когда этот отзыв появится в печати, прислать его нам.

Сискреннимуважением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

29 мая 1953 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Спешу сообщить Вам, что рукопись Ваших воспоминаний мы сегодня получили. Спасибо. О. Томилину¹, откуда мы ее получили, я не писала. Думаю, что это не обязательно, а если нужно, пожалуйста, сообщите ему.

С искренним уважением и приветом

Секретарь

24 июня 53 г.

Мюнхен

Многоуважаемая Вера Александровна,

книги Бунина мне присылать не надо, т.к., вернувшись из Парижа, я застал их у себя на столе. С удовольствием напишу о них, скорее всего в мюнхенской «За свободу», т.к. в «Возрождении» и в «Современных Записках» я уже писал о Буinine². Может быть, впрочем, можно будет написать в «Гранях», о чем я спишусь с Ржевским³.

Получил от Вашего секретаря Е. Ланге извещение, что первый том моих воспоминаний наконец-то прибыл в Нью-Йорк. Г-жа Томилина должна была отослать его около 20 апреля. Вероятно, задержала цензура. Получил я от издательства и извещение, что мои воспоминания занесены в каталог и запрос о том, есть ли у меня знаменитые предки. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы написали мне, означает ли занесение в каталог принятие рукописи или только надежду на то, что она будет принята.

С искренним уважением и сердечным приветом

Ваш Ф. Степун

29 июня 1953 г.

Многоуважаемый проф. Степун,

Так как г-жа Александрова находится в отпуску, я подтверждаю получение Вашего письма к ней от 24 июня. 3 июня мы послали Вам два тома коротких рассказов Бунина, которые Вы несомненно уже получили. Мы с интересом будем следить за появлением Ваших отзывов о них.

Вопросник, который мы Вам послали, имеет целью получение от Вас необходимых информации для копирайт к Вашему предисловию к Прозе Марины Цветаевой⁴. Никакого отношения к Вашему собственному манускрипту он не имеет, так как никакого решения о Вашем манускрипте еще не вынесено.

Просим Вас сообщить нам, в каком из номеров «Возрождения» появится Ваш отзыв о Бунине.

С искренним уважением

Lilian Dillon Plante

Associate Director

¹ Указан ошибочно мужской пол. В ответном письме Степун исправляет ошибку.

² В «Возрождении» была статья Степуна «И. Д. Бунин и русская литература» (Возрождение. 1951. № 13. С. 168—175)), а в «Современных записках» статья под названием «Ив. Бунин» (Современные записки, 1934. Кн. 54. С. 127—211). Судя по всему, об этих книгах Степун так и не написал.

³ *Ржевский Леонид (Суражевский Леонид Денисович; 1905—1986)* — писатель-

эмигрант, литературовед, мемуарист.

⁴ Речь идет о следующем тексте Степуна: Предисловие // Марина Цветаева. Проза. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1953. С. 7—16.

6

3 марта 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Давно не писала Вам и не имела известий от Вас. Спешу сообщить Вам, что в принципе наше Издательство отнеслось положительно к идее издания Ваших воспоминаний в двух томах. Однако, прежде чем выслать Вам контракт, нам необходимо иметь рукопись второго тома. Надеюсь, что Вы не задержитесь с ее присылкой в наш адрес.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

Мюнхен 19 марта 1954 г.

Многоуважаемая Вера Александровна¹,

простите, что с запозданием отвечаю на Ваше письмо от 3-го марта. Объясняется это тем, что меня не было в Мюнхене: читал лекции в Гамбурге и Ганновере.

Мне не надо Вам говорить, как меня обрадовало Ваше сообщение, что издательство отнеслось положительно к «идее издания» моих воспоминаний. Отнеслось оно положительно, правда, лишь к «идее» издания, а, кроме того, отнеслось положительно лишь «в принципе», но мне твердо верится, что эти отвлеченные слова не помешают конкретному осуществлению выхода моего «Вечного и преходящего»², над которым³ я самозабвенно работал в продолжение десяти лет, будучи изгнанным Гитлером из дрезденского Политехникума за практикующее христианство и, главным образом, за семитофильство — “Judenhцrigkeit”⁴.

Вы просите не задерживать высылки рукописи второго тома. Я мог бы выслать Вам первый (с имеющегося у Вас экземпляра⁵ первого тома набирать нельзя, так как он

неряшливо напечатан и мною не просмотрен) и второй том сейчас же, если бы знал, что не потребуются никаких сокращений и изменений, которых я никому кроме себя доверить не могу. Но так как я этого не знаю, то задерживаю высылку до Вашего письма с сообщением того, можете ли Вы напечатать все без всяких сокращений, на что я твердо надеюсь: жаль было бы из-за нескольких страниц портить очень цельно написанную вещь. К тому же, просматривая каталог издательства, я убедился, что им был выпущен ряд книг еще большего объема, чем мои 2 тома. В первом томе 415 машинописных страниц, во втором 423.

Буду с нетерпением и надеждой ждать Ваш ответ. Мне очень хочется увидеть свою книгу напечатанной по-русски. Хотя немецкий перевод и очень хорош, он все же не то, что подлинник. Как никак, а я один из немногих людей, исколесивших в лекционном порядке всю Россию, один из последних старых эмигрантов, хорошо знавших русскую научную и литературную среду; да, наконец, и как свидетель политических событий я многое близко видел. Мне кажется потому, что книга независимо от моих писательских достоинств, представляет собою документ, с которым важно познакомиться всякому русскому человеку.

Примите уверения в искреннем уважении
и сердечный привет

Ваш Федор Степун

22 марта 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Получила Ваше письмо сегодня и спешу откликнуться на него. Мы сможем послать Вам контракт только после получения рукописи второго тома, так как в принципе издательство одобрило включение в свою программу Ваших воспоминаний в двух томах. Оно смогло сделать это только потому, что я представила отчет на основании прочитанных мною Ваших воспоминаний на немецком языке. Зная их размеры, я сомневаюсь, что эти три тома можно уложить в два тома нашего размера. Поэтому, моя покорнейшая просьба: при окончательном авторском просмотре рукописи перед отсылкой, сделайте на полях тех страниц, которые могли бы быть сокращены — отметки.

С искренним уважением и сердечным приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

¹ Письмо рукописное.

² Очевидно, первоначальное название русского варианта мемуаров, вышедших в

результате под названием «Бывшее и несбывшееся».

³ Вместо «которым» написано слово «котом». Бесспорная описка.

⁴ Можно перевести как «зависимость от евреев». На Степуна в 1937 году был написан донос (на имя фюрера), где среди прочих обвинений было и такое: «Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи как и к значению расового вопроса, точно также и по отношению к еврейскому вопросу в частности важного для критики большевизма» (*Treiber Hubert. Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903—1955). Über Freundschaft- und Spdtdurgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber Hubert & Sauerland Karol (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850—1950. Opladen, Wesdeutscher Verlag GmbH, 1995. S. 98).*

⁵ Слово вписано над строкой.

7

München 30 марта 1954

Многоуважаемая Вера Александровна¹,

спасибо за быстрый ответ.

Быстрота и точность делового общения — редкое исключение в русском редакционно-издательском мире. Я вполне отдаю себе отчет в том, что обязан принципиальному принятию моих воспоминаний Вашему отзыву и благодарю Вас за его положительность.

Судить о размере русского текста на основании немецкого перевода не приходится: одни вспомогательные глаголы и члены ощутимо удлиняют немецкий текст. Кроме того, по-немецки были мною внесены некоторые необходимые для иностранцев пояснения. А потому я предлагаю и более простой, и более точный способ расчета. Имея в своем распоряжении точные данные о размере моей рукописи (1-ый том 415 стр., 2-й 423 стр. В странице 29 строчек и в строчке в среднем 58 букв), Вы, зная Ваш шрифт и размеры Вашей страницы, можете с почти абсолютной точностью сказать мне, надо ли сокращать мою рукопись и на сколько страниц.

Очень прошу Вас произвести этот расчет и сообщить его результат, руководясь тоже и моим сердечнейшим желанием напечатать рукопись целиком. Если Ваш такой расчет был по чему бы то ни было затруднителен, то не откажитесь мне сообщить, какое количество страниц (и сколько строчек и букв в странице)

издательство сможет напечатать, и я пришлю Вам точно вымеренную рукопись. Сокращать же наобум, не зная размера необходимых сокращений, очень трудно.

Я думаю стр. 15—20 можно сэкономить «подсушкой» текста, вычеркиванием придаточных предложений и т.д. Если этого не хватит, то придется вырезать целые темы, темы же разной величины. Можно, скажем, опустить при описании лекторской деятельности Казань, Астрахань, может быть, Воронеж, но нельзя сократить Нижнего Новгорода. При описании московских «салонов» можно выпустить антропософию, но нельзя пропустить Морозову² и т.д. и т.п.

Не сетуйте, Вера Александровна, на мою дотошливость³. Поймите, что мне очень важно выпустить книгу в наиболее совершенном виде. На все необходимое я согласен, хочу только произвести операцию наиболее рационально и успешно.

Завтра высылаю Вам второй том, необходимый для высылки мне контракта. Набирать с него, как и с имеющегося у Вас первого тома, **никак нельзя**. Оба тома мною окончательно не просмотрены, в обоих нужно исправить некоторые ошибки и смягчить характеристики умерших политических деятелей. Как только получу от Вас данные на сокращение, сажусь за отделку рукописи и в срочном порядке высылаю Вам **окончательный текст обоих томов**.

С искренним уважением и сердечным приветом

Федор Степун

¹ Письмо рукописное

² Имеется в виду *Морозова Маргарита Кирилловна* (1873—1958) — жена фабриканта, миллионера и коллекционера М.А. Морозова, давшая деньги на создание славянофильско-православного изд-ва «Путь», близкий друг Е.Н. Трубецкого. В ее особняке в Москве собирался салон, проходили заседания Московского религиозно-философского общества.

³ Так слово написано Степуном.

Многоуважаемая Вера Александровна¹,

17-го апреля я по воздушной почте выслал Вам заказным пакетом второй том моих «Воспоминаний». Удостоверения о получении рукописи я от Вас не получил и потому боюсь, не пропала ли рукопись.

Не получил я от Вас и ответа на мое письмо, в котором просил Вас сообщить мне, на сколько страниц мне нужно сократить мои воспоминания.

Так как в принципе оба тома уже приняты, так как второй том Вам в немецком переводе хорошо известен и так как я согласился на требуемое издательством сокращение, то я начинаю недоумевать, в чем же собственно задержка.

Буду с нетерпением ждать Вашего, по возможности скорого, ответа.

Примите уверения в искреннем уважении

Ф. Степун

24 мая 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Не получая от Вас с конца марта писем, я вчера позвонила Вашей сестре и от нее узнала, что в начале мая Вы ей сообщили о том, что послали в адрес Чеховского Издательства рукопись второго тома Ваших воспоминаний воздушном. Эта рукопись до сих пор не поступила в наше издательство. Это обстоятельство и вынудило меня, в конце концов, позвонить Вашей сестре и узнать, в чем дело.

Мне совершенно очевидно, что Ваша рукопись где-нибудь задержалась, но выяснить это можете только Вы, написав соответствующее заявление на почту и прося о расследовании. Задержка Вашей рукописи, увы, не первый случай в нашей практике. До сих пор все задержанные таким образом рукописи, в конце концов, доставлялись нам. Но предстоит, конечно, много возни.

От души сочувствую Вам, но ничем в данном случае помочь Вам не могу.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

9 июня 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Спешу сообщить Вам, что долгожданный второй том Ваших воспоминаний, наконец, поступил в наше Издательство сегодня. На первый взгляд нашего технического директора, общая сумма Ваших страниц превышает количество страниц, которые могут быть включены в два тома воспоминаний нашего размера. Однако, по совету технического директора, мы решили послать в типографию рукописи обоих томов, чтобы там точно определили, сколько именно страниц надо сократить.

Пишу Вам об этом, чтобы Вы могли внутренне подготовить себя к тому, что кой-какие страницы Вам придется сократить.

Пока это все. Как только типография вернет рукописи, напишу Вам снова уже точно.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

¹ Письмо рукописное.

9

30 июня 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Типография прислала нам расчет и смету по изданию Ваших воспоминаний в 2-х томах. По расчету типографии 1-й том нашего размера составит 472 страницы, а 2-й том — 476. Из этого следует, что каждый том должен быть сокращен приблизительно на 15 %. Само собой разумеется, что Вы по собственному усмотрению можете произвести большее сокращение в первом или во втором томе и соответственно перегруппировать материал, т.е. либо прибавив к 1-му тому из 2-го, либо прибавив из 1-го тома ко 2-му. Во всяком случае, просим об одном: как можно скорее дать нам знать, какие главы Вы сокращаете в Ваших воспоминаниях.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

Мюнхен 9 июля 1954

Многоуважаемая Вера Александровна¹,

большое спасибо за Ваше особенно любезное предпоследнее письмо, в котором Вы, очевидно чувствуя до чего мне хочется издать свои воспоминания полностью, писали, чтобы я душевно приготовился к необходимым сокращениям. Ваше второе письмо от 30-го июня вызвало во мне, с одной стороны, чувство радости, а с другой — некоторое недоумение.

Радость была вызвана тем, что данные Вашего письма (первый том 472 страницы, а второй 476 страниц) подтвердили мое изначальное мнение, что мне или ничего не придется сокращать, или очень немного. Так я рассчитывал, исходя из максимального количества страниц книг Чеховского издательства. Недоумение же было вызвано тем, что Вы пишете, что мне надо сократить рукопись на 15 %, в то время как из точного расчета выходит, что Вы мне предоставляете на 55 страниц больше, чем необходимо для напечатания моей рукописи полностью. В этом я убедился сам, подсчитав количество знаков в моем манускрипте и количество знаков в предоставленных Вами страницах. На всякий случай, я попросил своего немецкого издателя проверить мой расчет, который и прилагаю к этому письму.

К этому недоумению присоединилось еще и второе. Вы просите как можно скорее сообщить Вам, какие главы я собираюсь сокращать. Я не совсем понимаю, почему это для Вас важно. Я уже писал Вам, что с той непоправленной черновой рукописи, которая у Вас на руках, никаких глав набирать нельзя. Как только все окончательно выяснится, я срочно вышлю переработанный для печати экземпляр.

Хочу надеяться, что сокращать ничего не придется, но если бы по каким-нибудь, мне пока непонятным причинам некоторое сокращение оказалось бы необходимым, то я не главы буду выпускать, а отдельные куски почти во всех главах.

Жду от Вас ответа, который развеял бы все мои недоумения, которые меня очень мучают.

Примите уверения в искреннем уважении
и душевный привет

Ваш Федор Степун

13 июля 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Сегодня получила Ваше письмо и спешу на него ответить. К сожалению, Вы не поняли меня, думая, что раз я говорю, что первый том займет 472 стр., а второй — 476, — этим самым наше Издательство согласилось взять оба тома без сокращений. Мы это сделать никак не можем, так как максимальный размер наших книг — 416 страниц, считая титульный лист, предисловие, оглавление, копи-райт и т.д. На странице у нас только 1850 знаков. Таким образом, чистого текста в книге может быть не больше 408 страниц. Вот почему я и написала Вам, что Вам придется делать сокращение в обоих томах на 12 % в каждом.

Ваше письмо я показала нашему техническому директору, и он, со своей стороны, пишет Вам письмо, которое и посылаю вместе со своим.

Мы очень ждем присылки окончательно отредактированных обоих томов Ваших воспоминаний.

С сердечным приветом и уважением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

13 июля 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Наш главный редактор В.А. Александрова передала мне сегодня Ваше письмо от 9 июля с.г. в виду того, что его содержание относится больше всего к техническим проблемам. Мне кажется, что в Вашей переписке с Верой Александровной произошло досадное недоразумение, которое я попробую немедленно выяснить. Дело в том, что максимальный размер нашей книги выражается в 416 страниц. Если отбросить 2 белых стр. в конце таковой и 2 страницы на оглавление, то получится, что собственно на текст, включая предисловие, остается всего лишь 408 стр.

Так как Ваш труд будет издан в двух томах, то Вам предоставляется 816 стр. по 1860 печатных знаков на каждой. От этого максимального количества придется отнять еще две страницы на предисловие и резервировать известное пространство на воздух между главами, даже в случае, если таковые будут набираться подряд.

Поэтому, подтверждая точность расчета Вашего германского издателя, мне придется попросить Вас от имени нашего Издательства сократить Ваш манускрипт приблизительно на 100 страниц нашего формата, или, другими словами, выражаясь математически, — на 12%. Только в таком случае Вы удовлетворите стандартным требованиям нашего издательства, после чего Ваш труд может быть взят в производство.

Поэтому, не откажите вновь связаться с Верой Александровной по поводу

выяснения методов этого необходимого сокращения, которые выходят из пределов моей компетенции.

С совершенным почтением

Дмитрий (Иванович) Атряскин-Нейман

Отдел производства

¹ Письмо рукописное.

10

21-ое июля 1954 года.

Мюнхен

Многоуважаемая Вера Александровна,

получил и Ваше письмо, и письмо заведующего типографией Чеховского Издательства. Все окончательно выяснилось: очевидно Вы в Вашем письме хотели сказать, что если бы мои Воспоминания печатать полностью, то в первом томе оказалось бы 472 страницы, а во втором 476. О размере тома Чеховского Издательства не было ничего сказано — этим и объясняется то недоразумение, в которое я впал. Теперь все ясно. Я уже произвел все необходимые сокращения, а жена уже начала вносить мои поправки в тот экземпляр Воспоминаний, который будет отправлен Вам. Я надеюсь, что самое позднее через месяц я вышлю готовый к печати текст.

Дмитрий Иванович пишет, что надо оставить еще несколько пространства «на воздух». Мне кажется, что было бы правильно сократить, спрессовать воздух до минимума. В Арсеньеве¹ Бунина уж очень много «воздухов». Кажется мне так же, что можно было бы обойтись и без предисловия.

Думаю, это все.

Шлю привет и радуюсь, что дело, наконец, двинулось.

Преданный Вам

Федор Степун

8 сентября 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

В письме от 21 июля Вы сообщили, что надеетесь через месяц выслать нам готовый к печати текст. Хотела бы знать, когда мы можем рассчитывать на получение обеих частей Ваших воспоминаний. Ведь их, до отправки в типографию, я должна еще раз прочитать, а это отнимет у меня тоже некоторое время, а ведь хотелось бы, чтобы эти воспоминания вышли в 55 г. как можно раньше.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

¹ Речь идет о романе Бунина «Жизнь Арсеньева. Юность» (Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1952).

11

München 25 сент. 1954

Многоуважаемая Вера Александровна¹,

большое спасибо за Ваше письмо и высказанное желание в следующем году выпустить мои воспоминания. Мне не надо Вам говорить до чего мне будет приятно увидеть их напечатанными по-русски. Мы с женой, уехав в деревню, больше месяца просидели над рукописью, чтобы и в качественном, и количественном отношении привести ее в наилучший порядок. Я надеюсь, что сокращение на 101 страницу (12 %) не слишком обесценит книгу.

Я пишу Вам с некоторым запозданием, потому что со вчерашнего дня твердо знаю, что Вы получите рукопись не позднее, чем через две недели.

Есть у меня к Вам еще просьба: я очень хотел бы, чтобы Вы поручили корректуру моей сестре. Поправки в текст внесены рукою моей жены. Хотя они и очень отчетливы, было бы все же очень хорошо, чтобы корректуру делал человек, привыкший читать почерк Нат. Ник². Но и кроме этого сестра отнесется к

корректуре не только с профессиональной добросовестностью, но и с родственной любовью. Я не знаю, есть ли у Вас постоянные корректоры и может ли издательство отдавать корректуру на сторону. Если бы это встретило какие-нибудь финансовые затруднения, то прошу оплатить работу сестры из моего гонорара.

Я вполне понимаю, что Вы считаете необходимым ближе ознакомиться с окончательным текстом, но все же надеюсь, что это не займет у Вас слишком много времени, так как Вы уже рецензировали мои воспоминания, а, может быть, и просматривали имеющийся у Вас экземпляр.

Примите уверения в искреннем уважении
и сердечный привет

Федор Степун

Oct 19, 1954

Многоуважаемая г-жа Александрова³,

Сегодня я Вам пересылаю русский подлинник воспоминаний Федора А. Степуна. Я принес эту рукопись с собой, так как Федор Августович не хотел вверять ее почте. Я был бы очень Вам благодарен, если б Вы могли мне прислать удостоверение о том, что рукопись Вами получена.

С уверениями полного моего к Вам почтения, я имею честь быть искренне преданный Вам.

А.В. Штаммлер⁴.

(Dr. Heinrich Stammler, Professor, Dpt. of (?)

Northwestern University)

20 октября 1954 г.

Многоуважаемый профессор Штаммлер,

Спешу подтвердить, согласно Вашей просьбе, выраженной в письме от 19 октября, получение переданных Вами в адрес издательства двух пакетов, содержащих Воспоминания Ф.А. Степуна.

С совершенным почтением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

20 октября 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Только сегодня, 20 октября, получили, наконец, рукопись обоих томов Ваших воспоминаний. Прочитав на конверте отправителя и увидав размеры рукописи, мы сначала испугались: батюшки, кто же это, несмотря на все предупреждения, шлет нам новые рукописи? Тем больше обрадовались, когда вскрыв пакеты, увидели Вашу рукопись. Позже получили и письмо от профес. Штамmlера, с просьбой и ему подтвердить получение посланной им по Вашему поручению рукописи. Делаем это одновременно с настоящим письмом.

Хуже обстоит дело с Вашей просьбой, выраженной Вами в Вашем письме от 25 сентября. У нас в издательстве два штатных корректора. Поэтому мы не можем передать будущие гранки Вашей сестре. Само собой разумеется, что если Вы пожелаете это сделать в личном порядке, т.е. с вычетом определенной суммы за эту работу из Вашего авторского гонорара, мы против этого ничего не имеем и попросим Вас только, чтобы в этом случае Вы официально обратились к нам с этой просьбой.

На днях займусь Вашей рукописью и передам ее нашему техническому директору, чтобы дать ему возможность убедиться в том, что присланные Вами оба тома по размеру войдут в наши два тома.

С искренним уважением и сердечным приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

¹ Письмо рукописное. Рука жены, подпись Степуна.

² *Степун Наталья Николаевна* (урожд. Никольская. 1886—1961) — жена Ф.А. Степуна.

³ Письму рукописно на бумаге со штампом: Northwestern University, Evanstone, Illinois.

⁴ *Heinrich A. Stammler* (1912 — ?), родился в Германии — ученик Ф.А. Степуна, учился в Мюнхене и Праге, профессор славистики в США, автор книги «Die russische Geschichte Volksdichtung» (1939) и многочисленных переводов русских романтиков, автор нескольких статей о Степуне.

12

5 ноября 1954 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Простите, что так долго не писала Вам, но, получив Вашу рукопись, надо было сперва выяснить, уложится ли она в те два тома, которые мы собираемся издать. Первое впечатление было, что едва ли удастся, но после тщательной проверки в типографии выяснилось, что воспоминания уложатся в два тома.

Вчера ушел Вам контракт.

Разрешите мне теперь поговорить только о том, что меня больше всего занимает: мне кажется Ваше заглавие «События и Бытие» — простите за откровенность — каким-то «заумным». Широкий русский читатель, — а ведь хотелось бы, чтобы именно он прочитал Ваши воспоминания — пожалуй, не потянется к книге с таким заглавием. Не лучше ли было бы остаться ближе к заглавию в немецком издании «Минувшее и непреходящее»? Из Вашего предисловия я вижу мотивы, продиктовавшие Вам новое заглавие. Но, опираясь на то же предисловие, мне пришло в голову третье заглавие: «Вечной памятью сердца». Само собой разумеется, я не навязываю Вам ни одного из этих заглавий, а прошу только учесть мою реакцию, как реакцию одного из первых Ваших русских читателей.

В ожидании Вашего ответа,

С искренним уважением и сердечным приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

20.XI.54

Многоуважаемая Вера Александровна!

Спасибо за письмо и за на днях присланный контракт. Простите, что задержал ответ, но мы с женой были в загородной сердечной санатории (у нее неважное сердце), где не было русской машинистки, а писать своей рукой не рискую — сам с трудом разбираюсь. Спасибо за участливое отношение к моему труду и к заглавию. Я и сам начал сомневаться в его удачности. Жена моя и сестра, как и Галина Николаевна¹, тоже против. Сестра с Галиной Ник. предлагали «Вечное и

преходящее», но мне не хочется Вечности в заглавии. Слово отчасти претенциозное, отчасти обесцененное частым употреблением. Может быть, будет правильнее назвать «Прошлое и непреходящее», но мне опять-таки что-то мешает. Предложенное Вами третье заглавие было бы, как мне кажется, прекрасным заглавием для статьи о моих воспоминаниях, но самому говорить о своем сердце, о его памяти как будто бы нескромно. Буду искать дальше.

Решить вопрос о том, кто будет корректировать книгу, мне отсюда очень трудно. Предлагая Вам предложить корректуру сестре и Г.Н., я представлял себе дело весьма простым: сестра корректор опытный и уже работала в издательстве, Г.Н. сейчас свободна, и потому корректура могла бы двигаться быстро; главное же, они люди свои, хорошо знающие руку жены, которая вносила все поправки, и по-родственному заинтересованные в совершенном образе моей книги. Издательству я никакого ущерба не причиняю, так как, как я Вам уже писал, я, конечно взял бы оплату корректуры на мой счет. Но, очевидно, у Вас есть какие-то свои и важные соображения, раз Вы, предлагая написать м-рс Планте, все же сомневаетесь в том, что она сможет это разрешить. Не зная всех обстоятельств дела и боясь своей настойчивостью что-нибудь испортить, я прилагая письмо г-же Планте, прошу его передать только в том случае, если Вам это, в конце концов, покажется целесообразным.

Может быть, я слишком осторожен, но береженого Бог бережет.

Примите уверения в искреннем уважении
и сердечный привет

Ваш Федор Степун

Что касается гонорара, то прошу его мне пока не высылать. Хотя моя жена, Наталья Николаевна, сейчас, в смысле здоровья, совсем не на высоте, мы все же мечтаем проехаться в Америку. Ввиду этой мечты я, быть может, попрошу значительную часть гонорара не пересылать в Германию. Все это выяснится, вероятно, в середине декабря, тогда я напишу, как поступить.

¹ *Галина Николаевна Кузнецова (1900—1976)* — поэт, прозаик, мемуарист, последняя возлюбленная И.А. Бунина, подруга М.А. Степун, к которой она ушла от Бунина.

Многоуважаемая Вера Александровна,

давно не писал Вам. Пишу прежде всего потому, что хочется поблагодарить Вас за то участие, которое Вы проявили в деле выхода моих воспоминаний. Очень долго и даже мучительно искал заглавие и окончательно остановился на «Бывшее и несбывшееся». Сестра писала мне, что и Вам это заглавие нравится больше других.

Рад, что вопрос о корректуре в конце концов уладился: читает и Ваш корректор, и моя сестра. На мое счастье, кажется, улучшились и условия выплаты гонорара.

Хотел бы знать, когда выйдет книга. Ходят слухи, что Чеховское Издательство осенью 1956 г. собирается прекратить свое существование. Это было бы очень грустно. Можно ли надеяться на то, что эти слухи, как большинство слухов, — слухи вздорные?

Примите уверенье в искреннем уважении
и сердечный привет

Ваш Ф. Степун.

7 марта 1955 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Ваше письмо от 12 февраля я получила. Новое заглавие «Бывшее и несбывшееся», как Вам писала уже Ваша сестра, мне действительно очень понравилось и на ближайшем заседании Совета Издательства я его предложу на утверждение.

Ваша книга из-за того, что Вы так поздно послали окончательно просмотренную рукопись, выйдет только в марте 56 г. Однако, так как у нас иногда делаются перестановки в плане, я Вашу рукопись постараюсь приготовить к печати раньше для того, чтобы в случае чего ее можно было бы раньше выпустить в свет.

К сожалению, слухи о прекращении деятельности Издательства верны. Мы, однако, не отказались еще от ставки на чудо. Позавчера говорила по телефону с Галиной Николаевной и слышала голос Вашей сестры из другой комнаты, так что считаю, что как бы и с ней побеседовала.

С искренним приветом и уважением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

Мюнхен, 27.8.55

Многоуважаемая Вера Александровна,

давно не писал Вам, не тревожил Вас, и вот захотелось узнать из первоисточника, в каком положении находится выпуск моих воспоминаний. Очень хотелось бы, чтобы поскорее начало сбываться то, что так долго не сбывалось. В феврале будет мое рождение. Быть может, Вы захотели бы преподнести мне к этому дню (19 февраля) столь ценный для меня подарок в виде 2-х томов «Бывшее и несбывшееся». Сестра как-то писала, что Вы приступаете к подготовке книги к печатанию. Боюсь, что это может задержать набор, так как Вы женщина предельно занятая. Приготовлять, как мне кажется, особенно нечего, так как я все тщательно сократил по Вашим указаниям и все тщательно прочистил по велению моей писательской совести. Мне надо только прислать новое вступление в связи с переменной заглавия и изменить несколько фактических неточностей. Если бы такие встретились и Вам, то сообщите, чтобы я мог их исправить.

Буду очень рад получить от Вас несколько строк, приятных моему сердцу.

Примите уверенье в искреннем уважении
и душевный привет

Ваш Федор Степун

9 сентября 1955 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Вернувшись из отпуска, нашла Ваше письмо от 27 августа и спешу теперь ответить на него. Два тома Ваших воспоминаний «Бывшее и несбывшееся» намечены к изданию — представьте себе, какое совпадение с Вашим желанием, — на февраль месяц.

Вы правы, что подготовка к печати Ваших воспоминаний не отнимет у меня много времени, тем более, что я уже начала работать над этой рукописью еще до отъезда на каникулы. Теперь, однако, занята другой, более срочной рукописью, а к Вашей вернусь только в конце сентября. В середине октября она пойдет в типографию.

Учтите эти сроки, если хотите прислать новое вступление в связи с переменной названия и исправить несколько фактических неточностей.

С искренним уважением и сердечным приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

15

24 сент. 1955

Многоуважаемая Вера Александровна¹,

большое спасибо за письмо. Очень рад, что мои желания осуществляются, что я ко дню моего рождения буду держать в руках «Бывшее и несбывшееся». По возвращении из деревни в Мюнхен сейчас же вышлю новое предисловие, это будет дней через десять.

Вы, вероятно, знаете, что моя сестра тяжело больна. Нужны деньги. Написать официальное письмо заведующей финансами, с которой я уже раньше переписывался, не могу, так как не помню ее имени (моя корреспонденция осталась в Мюнхене), а потому обращаюсь к Вам с покорною просьбой предоставить имеющиеся у меня четыреста долларов в распоряжение сестры.

Примите уверение в искреннем уважении
и сердечный привет

Ваш Федор Степун

3 октября 1955 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Ваша сестра переслала мне Ваше письмо от 24 сентября. Спешу сообщить Вам, что я переговорила с администрацией нашего Издательства, и она согласилась переслать Маргарите Августовне \$ 400.00 из Вашего первого аванса. Но эти деньги будут переданы ей после того, как Вы пришлете Издательству на английском языке “statement”², в котором попросите Издательство следуемые Вам \$ 400.00 передать Вашей сестре.

Формулировку этого заявления издательство продиктовало по телефону Маргарите Августовне и Вы, вероятно, уже получили ее. Поэтому я не повторяю “statement”, а

пишу на всякий случай.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

¹ Письмо рукописное.

² Заявление (англ.).

16

13 октября 1955 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

На днях оба тома Ваших воспоминаний идут в типографию. В виду того, что сроки были очень жесткие, я отдала второй том редактировать Татьяне Георгиевне Терентьевой, и обоюдными усилиями мы закончили работу к сроку. Работа была, конечно, легкая. У меня и у нее попались только отдельные выражения, которые мы, не запрашивая Вас, исправили сами.

Например, на стр. 10-й первого тома вместо «сьютившая» я исправила «сумевшая объединить вокруг себя». На стр. 31-й Вы пишете «яблочный сад»; но сад бывает только «яблоневоый». На стр. 120-й Вы пишете «засидки», я поставила «бдения» в смысле продолжительных русских бесед.

Сомнение вызвало у меня Ваше замечание на стр. 128-й, продолжающееся и на стр. 129-й о евреях. Мне казалось, что обоснование, почему Вы столько внимания уделяете евреям, — лишним. Поэтому я это вычеркнула. Я бы этот абзац начала так: «Подчеркивая эту тему, я сознательно отдаю дань современности и т.д.». Но, если Вы настаиваете на всем абзаце, я его восстановлю.

Очень прошу Вас прислать мне перевод цитаты Виндельбанда¹: «Sie haben Ihr Heftchen “Vom Messias” genant, jetzt wollen Sie die Zeitschrift “Logos” betiteln? Passen Sie auf, Sie landen doch bei dem Schwarzen».

Я перевела ее сама, но меня смущают последние слова: «Sie landen doch bei dem Schwarzen». Судя по смыслу, Виндельбанд имел в виду черное монашество. Люди

компетентные обращают мое внимание на то, что черное монашество заимствовано у православных. Так что дайте, пожалуйста, Ваш перевод. Также прошу Вас дать перевод стихов на стр. 285.

Есть еще несколько замечаний по второму тому. Так как Вы писали Ваши воспоминания 11 лет назад, то у Вас встречается много фраз такого рода: «заседающая сейчас в Москве конференция министров иностранных дел и т.д.», или «сейчас прошло уже 25 лет» и т.п. Мы исправляем все это на прошедшее время. Это не меняет смысла и не путает читателя. Или, напр., об Эренбурге, прославляющем нынешнего вождя. Я заменила словом — Сталина.

В ожидании Вашего ответа,

С искренним приветом и уважением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

17-ое октября.

Многоуважаемая Вера Александровна,

спасибо за письмо и за любезное сообщение намеченных Вами корректур. Вы правы — говорят «яблоневый сад», но деревня говорит «яблочный». С исправлением вполне согласен. «Засидки» — неудачно. Спасибо за исправление — «бдения» лучше. Согласен с заменой «сьютившая», хотя из материнского искусства объединять выпадает уют.

Насколько я Вас понимаю, Вы предлагаете на странице 128-ой пропустить 3 строчки последнего абзаца. Вполне согласен. Предлагаю только слова: «подчеркивая эту тему» заменить выражением «рассказывая об этом».

Со своей стороны прошу пропустить на странице 283-ей описание belle soeur Ф. Сологуба². Я, очевидно, спутал ее с какой-то другой женщиной. Портрет вышел непохож.

Перевод цитаты Виндельбанда: «Вы назвали свою брошюру “О Мессии”, теперь Вы собираетесь озаглавить Ваш журнал “Логос”, смотрите, как бы католики реакционеры не отозвались на Ваш призыв». С монашеством выражение Schwarzen не имеет ничего общего.

Стихи перевожу прозой: «О вдохновение, в тебе мы находим блаженство могилы; в волнах твоих утопаем глубоко, тихо ликуя». Стр. 285-ая.

Может быть, Иваск³ смог бы перевести стихом.

Что же касается исправления всего на прошедшее время, то я сомневаюсь, правильно ли это. Для читателя мемуаров важно, конечно, знать не то, когда они вышли, а то, когда они писались. Я, например, горжусь тем, что в начале 16-го года написал в своем «Прапорщике Артиллеристе»⁴, что приличное окончание войны возможно только под царскими знаменами⁵. Если бы под письмом не было даты, то это место потеряло бы всякое пророческое значение. Я писал свои воспоминания 11 лет, в продолжении которых жизнь все время менялась. В известном смысле мои воспоминания имеют характер дневника, почему я под каждой частью и ставил дату ее окончания. Я, конечно, вполне понимаю, что в голову невнимательного читателя, не дающего себе отчета во времени написания текста, этот характер дневника может внести путаницу, и он под «нынешнем вождем» может помыслить не Сталина, а Булганина.

Прошу Вас продумать этот вопрос и сделать, как Вам покажется правильным.

Я через несколько часов уезжаю в двухнедельное лекционное турне и пересматривать весь второй том с выдвинутой Вами точки зрения сейчас не могу, а задерживать набор книги не хотел бы.

Может быть, есть места безболезненно переводимые «на прошедшее время», но есть и другие, требующие точной датировки.

Вам и Татьяне Георгиевне шлю сердечный
привет и благодарность.

Искренне Ваш Федор Степун

P.S. Надеюсь, что Вы одобрите новое предисловие⁶.

23 декабря 1956 г.

Mrs. M. Stepun

144-50 38 ave. apt. 3-A

Flushing, L.I. NY

Многоуважаемая Маргарита Августовна,

Посылаю Вам гранки и манускрипты Федора Августовича (1-й том), как Вы просили по телефону, спешной почтой, но только в двух пакетах. Просим прочесть их и вернуть вместе со вторым томом (гранки которого будут высланы 28-го декабря) с таким расчетом, чтобы оба тома вернулись к нам 10-го января.

Поздравляю Вас и Галину Николаевну с Праздником и наступающим Новым Годом, искренно желаю здоровья и всех благ.

С искренним уважением и приветом

Секретарь

3 января 1956 г.

Mrs. M. Stepun

144-50 38 ave. apt. 3-A

Flushing, L.I. NY

Дорогая Маргарита Августовна,

Посылаю Вам недостающую 84-ю гранку 1-го тома. Хотела послать вместе со вторым, но до сих пор нет гранок из типографии. Не хочу задерживать эту гранку. Привет Галине Николаевне.

С приветом

5 января 1956 г.

Mrs. M. Stepun

144-50 38 ave. apt. 3-A

Flushing, L.I. NY

Дорогая Маргарита Августовна,

Посылаю Вам второй том Воспоминаний Федора Августовича для авторской корректуры. Администрация просит вернуть нам корректуру не позже 16-го января с.г.

С искренним уважением и приветом

Секретарь

¹ *Виндельбанд Вильгельм* (1848—1915) — немецкий философ, основатель Баденской школы неокантианства, у него в Хайдельберге учился Степун.

² *Сологуб Федор (Федор Кузьмич Тетерников, 1863—1927)* — русский писатель, поэт, автор знаменитого романа «Мелкий бес» (1907).

³ *Иваск Юрий Павлович* (1907—1986), род. в Москве, ум. в США — поэт, критик, историк литературы, философ-эссеист, профессор славистики в Массачусетском университете. Известны две его рецензии на книги Степуна: *Иваск Ю. Федор Степун. Встречи. Издание товарищества зарубежных писателей. Мюнхен, 1962 // Новый Журнал. 1963. № 74. С. 289—292; Иваск Юрий. F. Stepun. Mystische Weltchau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Blok. Carl Hanser Verlag, München, 1964, S. 442 // Новый журнал. 1965. № 79. С. 288—291.*

⁴ Речь идет о книге Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста», опубликованной под псевдонимом Н. Лугин вначале в журнале «Северные записки» (1916), а в 1918 году отдельной книгой.

⁵ Скорее всего Степун имеет в виду следующий пассаж из своей книги: «Я решительно не представляю себе, как мы доведем войну не до победного, конечно, но хотя бы до не стыдного, приличного мира <...> Единственная сила, способная в принципе на продолжение войны — самодержавие — стремится с откровенным цинизмом к сепаратному миру» (*Степун Федор (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. С. 173*). Правда, данный текст помечен январем 1917 года и, конечно, в нем самодержавие аттестуется не совсем лестно.

⁶ Эта строчка написана чернилами от руки.

17

8 февраля 1956 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Ваша книга выйдет, вероятно, 15-го февраля и тогда же будут посланы Вам шесть авторских экземпляров. По просьбе администрации будьте добры сообщить немедленно, не хотите ли Вы один из этих шести экземпляров передать здесь — на память Вашей сестре.

Еще гораздо важнее вопрос о Вашем авторском гонораре. Как Вы знаете, в апреле этого года наше Издательство будет окончательно ликвидировано, и поэтому на этот раз у администрации не будет времени ждать указаний авторов, куда они хотели бы, чтобы мы перевели следуемый им гонорар. От Маргариты Августовны я знаю, что она могла бы положить эти деньги в банк по месту своей службы. Лично мне кажется, что это лучшее решение вопроса. Но, чтобы провести это, Вам необходимо прислать заверенную доверенность на ее имя.

Во всяком случае, прошу Вас не откладывать ответа, ибо иначе администрация вышлет Вам деньги в Германию

Жду ответа как можно скорее по обоим вопросам.

Боюсь, что авторские экземпляры Вы получите уже после Вашего дня рождения. Сердечно Вас поздравляю от своего имени и от имени всего Издательства и желаю Вам и Вашей жене здоровья и успеха. Проведите этот день с чувством предстоящего получения Ваших воспоминаний.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

24 февраля 1956 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

На мое письмо от 8 февраля никакого ответа с Вашей стороны до сих пор не последовало. Правда, Ваша сестра звонила мне и рассказала, что Вы писали ей, прося один экземпляр Ваших вышедших воспоминаний послать за Ваш счет воздушной почтой, а также о том, куда Вы хотели бы, чтобы мы послали Ваши авторские. Но для всего этого недостаточно писать сестре, а надо во всяком случае обратиться в Издательство.

Поскольку наше Издательство все свои финансовые дела ведет через Центральную организацию Фордовского фонда, оно должно иметь на руках какие-то формальные оправдательные документы, касающиеся денежных операций.

Вот почему убедительно прошу Вас не откладывать в долгий ящик письма в Издательство по обоим затронутым мною вопросам.

С искренним уважением и приветом

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

24 февраля 1956 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Согласно существующего у нас правила, издательство обязано, после выхода книги в свет, вернуть автору его рукопись, в связи с чем, одновременно с этим письмом, с благодарностью возвращаем Вам Ваши оба имеющиеся у нас манускрипты (первоначальный и основной) в четырех пакетах.

С искренним уважением

Секретарь

2.3.56 г.

Мюнхен

Многоуважаемая Вера Александровна,

Простите, пожалуйста, что я не сразу ответил на Ваше письмо от 8 февраля. Эта некорректность объясняется теми добрыми чувствами, которые во мне возбудило Ваше письмо с поздравлением ко дню моего рождения, с пожеланием, чтобы я провел его в радостном чувстве предстоящего получения моих книг и с верой, что моя книга получит широкое распространение. Так сердечно Вы мне написали в первый раз, и мне захотелось от души поблагодарить Вас за добрые слова и весь тот труд, который Вы понесли, работая над выпуском «Бывшего и несбывшегося». От сестры я знаю, что Вы оказали ей в защите моих интересов большую помощь. Написать Вам сразу же я не мог, так как русская машинка, вернее, руки, пишущие на ней, находятся в моем распоряжении только раз в неделю. Писать же своей рукой мне не только очень трудно, но, главным образом, бессмысленно, так как пишу я, даже для своих собственных глаз, весьма неразборчиво. Вот я и решил, что пока сообщу через Маргу самое главное, а именно просьбу не высылать моих денег в Германию, так как мне было бы приятней иметь их за границей. Я думал, что этого для Вас на первых парах¹ достаточно. Этим письмом официально прошу Вас о том же. Куда переслать деньги, я в данную минуту еще сказать не могу. Сестра писала, что ей советовали положить на мое имя в швейцарский банк, для чего мне нужно открыть в нем кредит, что предполагает внесение в банк некоторой суммы. Маргарита пишет, что она должна еще доисследовать это дело и просит, чтобы я здесь навел тоже некоторые справки. Надеюсь, что числа 12-го этого месяца я сообщу мое окончательное решение, которое вынесу после консультации со специалистом по обложению немецких подданных налогами. Все это дело довольно деликатное и требующее некоторой обдумки. Надеюсь, что этого письма достаточно, чтобы не высылать денег сюда.

Жду с нетерпением высланного по воздуху экземпляра моих «Воспоминаний». Остальные, причитающиеся мне экземпляры, будут, конечно, высланы обыкновенным путем.

Г-жа Лилиан Планте запрашивала меня, были ли мною прорецензированы высланные мне тома Бунина, и просила выслать напечатанные рецензии, что я и делаю².

Она же спрашивала меня, согласен ли я прорецензировать последнюю книгу Варшавского³, которую я уже получил и прочел. «Новый журнал», к сожалению, уже поручил рецензию кому-то другому. Я пишу Иваску с просьбой оставить рецензию за мной для «Опытов».

Ну, кажется, все. Еще раз большое спасибо и душевный привет.

Ваш Федор Степун.

¹ Так у Степуна

² Эти рецензии не обнаружены.

³ О книге Владимира Сергеевича Варшавского (1906—1973) «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1956) Степун написал статью «"Новоградские" размышления по поводу книги В.С. Варшавского "Незамеченное поколение" и дискуссии о ней», которую опубликовал в журнале «Опыты» (Нью-Йорк. 1956. №7. С. 45—57). Переиздание этой статьи см.: *Степун Ф.А. Чаемая Россия* / Сост. и послесловие А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1999. С. 309—320).

8 марта 1956 г.

Многоуважаемый Федор Августович,

Спешу ответить на Ваше письмо от 2 марта. Совершенно случайно, в разговоре с Вашей сестрой, выяснила, что она Вам так и не послала экземпляра Ваших воспоминаний воздушной почтой, как собиралась. Оказывается, она об этом сказала Татьяне Георгиевне, но та в свою очередь забыла сказать об этом мне. Поэтому один экземпляр воздушной почтой за Ваш счет ушел только вчера, один экземпляр из шести авторских получила Марг. Авг., а четыре следуемые Вам отправлены тоже вчера.

Я очень огорчена, что косвенно заставила Вас две недели зря ожидать Ваши книги. Но немножко в этом виноваты и Вы сами: вместо того, чтобы ответить непосредственно мне на Издательство, согласны ли Вы один экземпляр из Ваших авторских подарить Вашей сестре, Вы ответили не мне, а ей, да и ей тоже не написали толком, согласны ли Вы на это, а учет книг у нас поставлен на большой высоте.

Простите за ворчливый тон моего письма, особенно после Вашего милого письма от 2 марта.

Закончу свое послание приятной новостью: читателям, успевшим прочитать Вашу книгу, она очень нравится, и я не сомневаюсь, что Вас и Ваше детище ожидает большой успех.

Жду сообщения о том, куда послать Ваш авторский гонорар.

С сердечным приветом и уважением

Editor in-Chief (Vera Alexandrova)

18.3. 56 г.

Мюнхен

Многоуважаемая Вера Александровна,

большое спасибо за Ваше письмо от 8 марта. Книги пришли и как своим внешним видом, так и безупречностью корректорской работы (я еще не открыл ни одной опечатки) доставили мне большое удовольствие.

Спасибо Вам за то, что Вы были огорчены, что мне пришлось дольше ждать моей книги, чем то было необходимо. Ради этого признания книге стоило даже и опоздать. Мне очень приятно сознание, что наша с Вами заочная совместная работа, как мне, по крайней мере, кажется, как-то сблизила нас. Если мне не изменяет память, вы уже писали о моей книге в связи с выходом немецкого перевода. О политической стороне книги, на основании переводов, судить, конечно, можно, но о художественной, несмотря на то, что мои переводчики очень близко подошли к оригиналу, все же трудно. Вы теперь так хорошо знаете работу, что, быть может, найдете возможным еще раз написать о ней, чему я был бы искренне рад.

Что касается высылки мне гонорара, то я решил поступить следующим образом. К этому письму я прилагаю официальную бумагу в той форме, которая была мне предписана Чеховским Издательством в связи с выплатой моей сестре некоторой части первой половины моего гонорара. В этой бумаге я прошу Издательство распорядиться моим гонораром согласно указаниям моей сестры. Эта широкая формула дает возможность любой манипуляции. По наведенным мною справкам

самым лучшим решением вопроса было бы, если бы можно было открыть на мое имя счет в швейцарском международном банке и если бы Издательство внесло в этот банк на мое имя причитающуюся мне сумму. Марга писала мне о такой возможности, сообщая одновременно, что нужно еще выяснить некоторые детали. Так как дело спешное, то я не дожидаясь выяснения этих деталей, даю Вам и сестре широчайшие полномочия.

Кончаю и шлю Вам еще раз мою благодарность и сердечный привет.

Ваш Федор Степун

19

[без даты, без места]

Многоуважаемая Вера Александровна!

При сем официальная бумага с просьбой выслать мне деньги в Германию. Иначе устроиться оказалось невозможным при некоторой моей щепетильности в денежных делах. Подробности пишу сестре.

Надеюсь, что высылаемая бумага достаточна.

Набрана и напечатана книга очень хорошо.

Еще раз спасибо и привет.

Преданный Вам

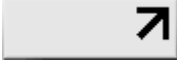
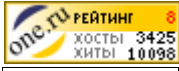
Федор Степун

*Вступительная статья, публикация
и комментарии Владимира Кантора.*

[обсудить в форуме](#)

[в начало страницы](#)

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)